

Причины гонения на Русскую Православную Церковь в XX веке

Автор – кандидат богословия, доцент Акимов В.В. Опубликовано: Ученые записки. Сборник научных статей факультета теологии. Выпуск 2. Мн., 2004. С.180-195.

В 1942 году вышла в свет книга «Правда о религии в России». В предисловии к этому изданию, стремившемуся показать всему миру Русскую Церковь как свободную и никем не гонимую, митрополит Сергей (Старогородский) писал: «Простой православный народ... склонен видеть в происшедшей перемене не гонение, а скорее возвращение к апостольским временам, когда Церковь и ее служители шли именно своим настоящим путем, к какому они призваны Христом, когда они смотрели на свое служение не как на профессию, доставляющую им средства к жизни, а как на следование призыву Христову... С отделением Церкви от государства... все номинальные церковники от нас ушли. При этом роковое значение имела вековая у нас привычка видеть православие до неразрывности сплетенным с царской властью»[1]. В этих словах глубокого русского богослова проявляется подлинно христианское понимание и восприятие гонения на Церковь.

Митрополит Сергей как будто отрицает наличие гонения, но о нем мы читаем между строк. Церковь возвращается к апостольским временам, говорит он. Но каковы были эти времена, если почти все апостолы, отвергнув себя и последовав за Христом, окончили свою земную жизнь мученической смертью (из Двенадцати исключение составлял лишь апостол Иоанн Богослов)? Церковь гонима, но именно поэтому слышим мы упрек в сторону императорской России. Ведь не случайно большевикам относительно легко удалось развернуть широкомасштабную антирелигиозную пропаганду и привлечь к борьбе с Церковью тех людей, которые были рождены и воспитаны в христианской традиции.

В императорской России Православная Церковь находилась в жесткой зависимости от государства. Еще со времен императора Петра 1 был нарушен канонический строй жизни Церкви – упразднено Патриаршество, прекращены созывы церковных соборов. Многие вопросы церковной жизни были отнесены к компетенции государственной власти. Такое положение Русскую Православную Церковь устраивать не могло. Поэтому происшедшая в начале 1917 г. ликвидация монархии в церковных кругах особого сожаления не вызвала, скорее наоборот, она способствовала оживлению церковной жизни, созыву поместного собора и восстановлению Патриаршества. Положение Русской Православной Церкви как Церкви государственной имело еще одно негативное последствие. Государство, взявшее на себя функции по полному контролю и регулированию религиозной жизни своих граждан, как будто не осознавало в достаточной мере, что в такой деликатной сфере всякое насилие вызывает неизбежное противодействие. И неудивительно, что «после освобождения солдат Временным правительством от обязательного исполнения религиозных обрядов и Таинств Церкви процент солдат, записанных православными и соблюдавших Таинство Причащения, сократился с почти 100 в 1916 г. до менее 10 в 1917 г.»[2]. Кроме того, тесный союз Церкви и государства

приводил к тому, что недовольство государственным устройством отражалось и на Церкви, как одном из институтов монархического государства. Конечно, не стоит идеализировать положение Православной Церкви в старой России. Однако государство, разрушенное большевиками, признавало огромную значимость религиозной сферы в жизни общества и в основу общественной жизни полагало христианские принципы. Вся история России была неразрывно связана с Церковью. За всю историю России от принятия Христианства до 1917 г. Православная Церковь не знала антирелигиозных гонений со стороны государства. События, происшедшие в 1917 г., поставили Русскую Православную Церковь в условия, ранее ею неведомые. В этих новых политических условиях Церковь не могла не быть гонимой.

Советская власть, рассматривая религию как общественный пережиток, считала, что все религиозные представления неизбежно уйдут из сознания людей по мере социально-экономического развития общества. Сама же Русская Православная Церковь мыслилась большевиками одним из государственных институтов, обеспечивавших прочность и устойчивость царской власти. Наконец, Русская Православная Церковь, являясь государственной Церковью, обладала значительным имуществом. Последние два обстоятельства и объясняют то, почему именно эта Церковь приняла на себя основной удар со стороны большевиков, наносившийся ими по религии вообще.

Итак, можно выделить три причины гонения на Русскую Церковь: идеологическую, политическую и экономическую. Однако это деление отличается некоторой условностью. Так, например, экономическую причину следует рассматривать вместе с идеологической, поскольку лишая Церковь ее имущества, большевики рассчитывали на то, что подобное изменение экономических условий жизни Церкви приведет к ее постепенной самоликвидации.

Необходимо также учитывать то, что история гонения, насчитывающая около семи десятилетий, имеет различные периоды. И то, что являлось одной из причин гонения в начале 20-х гг., могло стать и становилось поводом для гонения в более позднее время. Здесь можно вспомнить очень популярные в судебных процессах 30-х гг. обвинения в сношениях с западными спецслужбами с целью заговора против Советской власти, или обвинения в организации внутренних заговоров с подобной же целью. Примеров негативного отношения Церкви к Советской власти в первые послереволюционные годы было достаточно для того, чтобы обвинения в сторону Церкви и ее служителей в антисоветской деятельности продолжали звучать даже тогда, когда сопротивление Церкви было уже практически сломлено.

Подобное наблюдается и в истории конфискации церковного имущества. То, что в 20-е гг. государство посягнуло на собственность Церкви, было во многом связано и с большими финансовыми затруднениями новой власти. Совсем иное дело – 60-е гг., когда практиковалось закрытие храмов под

предлогом необходимости использования их помещений для нужд народного хозяйства.

По мере укрепления Советской власти все яснее и отчетливее проступала та центральная причина гонения, которая неизменно проходила через все десятилетия преследования Русской Церкви – причина идеологическая.

Теоретическое отношение большевиков к религии базировалось на учении, выработанном К.Марксом и Ф.Энгельсом. Ф.Энгельс в работе «Анти-Дюринг», отмечая, что религия есть лишь фантастическое отражение в головах людей внешних сил, господствующих над ними в повседневной жизни[3], писал: «Когда общество, приняв во владение всю совокупность средств производства и планомерно направив их, освободит, таким образом, себя и своих членов от рабства... когда человек будет не только предполагать, но и располагать – лишь тогда исчезнет последняя чуждая сила, которая до сих пор отражается в религии, а вместе с тем исчезнет и само религиозное отражение... Но г. Дюринг не расположен ждать, пока религия умрет своей естественной смертью... Он направляет своих жандармов будущего на религию и помогает ей, таким образом, увенчать себя ореолом мученичества и тем самым продлить свое существование»[4]. И так, марксизм, считая религию лишь иллюзией, обреченной на неизбежное исчезновение с дальнейшим развитием общества, выступал против форсированных насильственных мер по искоренению этой «фантазии».

Примерно в таком же направлении написаны были многие официальные документы большевистской партии и Советского правительства. «РКП(б) руководствуется убеждениями, что лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков... Необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма» (Программа РКП(б), принятая на 8 съезде 18-23.03.18)[5]. «Необходимо решительно ликвидировать какие бы то ни было попытки борьбы с религиозными предрассудками мерами административными... Необходимо следить за тем, чтобы не оскорблять религиозного чувства верующих, победа над которым может быть достигнута только очень длительной, на годы и десятки лет рассчитанной работой просвещения» (Резолюция 13 съезда РКП(б) по вопросу об антирелигиозной пропаганде в деревне)[6].

Однако одновременно с этим теоретическим направлением существовало и практическое направление, стоявшее на позиции решительных антирелигиозных мер. 4 декабря 1920 г. заведующий секретным отделом ВЧК Т.П.Самсонов писал Ф.Дзержинскому: «Тов. Лацис глубоко прав, когда говорит, что коммунизм и религия взаимно исключаются, а также глубоко прав и в том, что религию не сможет разрушить никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК»[7]. Подобного практического взгляда придерживался, видимо, и сам В.Ленин. На письме Мицкевича от 22.04.1919 г., в котором тот называл вскрытие мощей нелепостью,

нарушающей декрет и дающей повод к волнениям, а также предлагал очередным декретом запретить все поступки, нарушающие религиозные чувства, В. Ленин поставил резолюцию: «Я считаю, что Мицкевич находится в паническом состоянии»[8]. 17.03.18 г. член братства святителя Алексия, Мария Свет, написала записку В. Ленину с просьбой отдать мощи святителя Алексия братству: «Вам дороги тела и могилы борцов, павших за социализм, похороненных у Кремлевской стены! И нам бесконечно дорога гробница нашего духовного вождя святителя Алексия». В резолюции на эту просьбу В. Ленин написал: «Прошу не разрешать вывоза, а назначить вскрытие при свидетелях»[9]. Контрастирует с официальными призывами к недопущению поступков, оскорбляющих религиозные чувства верующих, и само постановление 1919 года о ликвидации культа мощей. Характерно также и поддержанное СНК Предложение Наркомата юстиции о ликвидации мощей во всероссийском масштабе: «При случае фальсификации мощей, фокусничества и иных уголовных деяний, направленных на эксплуатацию темноты, как со стороны отдельных служителей культа, так равно и организаций – отделы юстиции возбуждают судебное преследование против всех виновных лиц»[10]. В истории ликвидации культа мощей отчетливо проявилась подлинная позиция новой власти по отношению к Церкви. Формально отделив Церковь от государства, само государство сохранило за собой право считать все вопросы внутреннего устройства и внутренней жизни Церкви своими вопросами.

В 1920 г. патриарх Тихон написал обращение в СНК в связи с предполагаемым увозом мощей преподобного Сергия Радонежского в музей, в котором указывал, что это намерение «стоит в противоречии с декретом об отделении Церкви от государства, с неоднократными заявлениями высшей центральной власти о свободе вероисповеданий»[11]. Противоречия в этом мог видеть Патриарх, но не большевики. Еще К. Маркс в «Критике готской программы» утверждал: «Рабочая партия должна... выразить свое убеждение в том, что буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам религиозной свободы совести, а она, рабочая партия, наоборот, стремится освободить совесть от религиозного дурмана»[12]. Поэтому Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах, принятый 20 января 1918 г., правильнее было бы назвать декретом свободы совести от религии и против церковных и религиозных обществ. В самом тексте этого документа, кроме объявления об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, отмены праволишений, связанных с исповеданием какой бы то ни было веры или не исповеданием никакой, было четко обозначено, что «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют»[13]. А если Церковь не имеет собственности, то и вскрытие, и ликвидация мощей имеет вполне законное основание: мощи являются государственной собственностью.

Итак, в обществе, которое намеревались строить большевики, места для

религии не оставалось, а наличие Церкви рассматривалось как неизбежное зло, сопутствующее начальному этапу устройства новой жизни. «Упразднение религии как иллюзорного счастья народа, - писал К.Маркс, - есть требование его действительного счастья... Религия – это вздох угнетенной твари... Религия есть опиум для народа»[14]. Иными словами, когда будет преодолено угнетение, тогда исчезнет и религия, как средство успокоения человека. Но для устранения религиозных предрассудков, замечал Ф.Энгельс, требуется значительное время. Большевики же не хотели ждать. Сам В.Ленин очень брезгливо и нетерпимо относился ко всяким проявлениям религиозности и был не особенно разборчив в средствах борьбы с ней. В этом вопросе большей терпимостью и терпеливостью отличался Л.Троцкий. Осознавая большой внутренний потенциал Церкви, он стремился содействовать внутреннему расколу Церкви. Поддерживая лояльную к Советской власти часть духовенства, он стремился сформировать такое религиозное сообщество, которое не создавало бы препятствий новому государственному строительству. В марте 1922 г. Л.Троцкий писал в Политбюро о необходимости допущения «советской» части духовенства в органы Помгола: «Вся стратегия наша в данный момент должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей из церквей»[15]. В мае того же года он писал членам Политбюро следующее: «Одна из задач печати в том... чтобы поднять дух лояльного духовенства, внушить ему уверенность в том, что в пределах его бесспорных прав государство его в обиду не даст»[16].

Именно такой подход возобладал над резким и непримиримым отношением к религии вообще и к Церкви в частности. И если в Конституции РСФСР от 10.07.18 г. в 65 статье 13 главы монахи и духовные служители Церкви и религиозных культов лишались избирательных прав[17], то Конституция от 05.12.36 г. снимала эти ограничения[18].

Но и эта относительная терпимость Советской власти к религии и религиозным обществам, являясь вынужденной мерой, преследовала неизменную цель большевиков – ослабление Церкви и дальнейшее полное ее искоренение. В 1922 г. Е.Тучков писал: «Для осуществления [борьбы с духовенством, - А.В.]... была образована так называемая «Живая Церковь», состоящая преимущественно из белых попов, что дало нам возможность поссорить попов с епископами примерно как солдат с генералами... Наступает период паралича Церкви»[19]. Так что обновленцы, надеясь в обмен на свою лояльность получить всестороннюю поддержку, жестоко обманулись. Обманулись и большевики, ожидая от обновленцев помощи в борьбе с врагами революции. В докладе Н.Попова от 22.12.22 г. о комиссии агитпропа читаем: «В области разложения Церкви. Комиссия обратила внимание на существование в провинции многочисленных обновленческих органов, выходящих на наши средства и проявляющих тенденцию вместо борьбы с церковной контрреволюцией заниматься мистикой и углублением церковного учения. Для борьбы с этим вредным уклоном намечается закрытие большинства органов»[20]. И когда обновленческий собор 1923 г. писал приветствие ВЦИКу, желая убедить

власть в отсутствии противоречия между учением Церкви и социальным учением марксистов («Великий октябрьский переворот государственными методами проводит в жизнь великие начала равенства и труда, имеющиеся в христианском учении... В.И.Ленину собор желает скорейшего выздоровления, чтобы он снова стал впереди борцов за великую социальную правду»[21]), сама эта власть могла только иронически усмехаться. Ведь еще в настольной книге большевиков, «Манифесте Коммунистической Партии», К.Марксом и Ф.Энгельсом было оговорено: «Подобно тому, как поп всегда шел рука об руку с феодалом, поповский социализм идет рука об руку с феодальным. Нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало тоже против частной собственности, против брака, против государства? Разве оно не проповедовало вместо этого благотворительность и нищенство, безбрачие и умерщвление плоти, монастырскую жизнь и церковь? Христианский социализм – это лишь святая вода, которою поп кропит озлобление аристократа»[22]. Так что даже если в обновленческой среде и можно обнаружить искреннее стремление найти покровительство у власти или оказать этой власти какую-либо поддержку, то вполне очевидно, что сама безбожная власть в помощи от какой-либо религиозной организации не нуждалась, поскольку вовсе не нуждалась и в самих религиозных организациях. Все это прекрасно понимали те православные епископы, которые в мае 1927 г. направили обращение к правительству СССР (так называемое «Соловецкое послание»). В этом обращении они отметили, что расхождение между властью и Церковью находится не в области политики, но «это расхождение лежит в непримиримости религиозного учения Церкви с материализмом, официальной философией коммунистической партии и руководимого ею правительства Советских Республик»[23].

Атеистической идеологии большевиков, как основной причине гонения на Русскую Церковь в XX столетии, сопутствовала в преследовании Церкви и политическая причина. Гонение на Церковь приобретало политический характер потому, что Русская Православная Церковь в общественном сознании начала XX столетия находилась в органической связи с упраздненным в 1017 г. монархическим государственным строем.

При рассуждениях о политической причине гонений следует иметь в виду то, что эта причина имела определенные временные рамки своего действия, рамки, совпадающие в общем с теми границами, которыми С.А.Аскольдов определяет первый период гонения. По мнению этого исследователя для первого периода гонений, охватывающего время с октября 1917 до, примерно, 1922 г., наиболее характерны «не систематизированное гонение и преследование, а именно разные отдельные эксцессы в роде, например, хулиганств, глумлений и издевательств»[24], хотя несомненно то, что основания для систематических гонений закладывались именно в этот период (декрет о свободе совести, различные постановления и инструкции). Второй же период, начинающийся в начале 20-х гг., был временем систематического гонения на Церковь со стороны государства, что было обусловлено

укреплением власти большевиков и началом созидания нового общественного устройства. Обвинения в контрреволюционной деятельности имели теперь большей частью вид повода, а не причины преследования. Позднее эти обвинения и вовсе утихнут.

Политическая причина гонения на Церковь имела двойственный характер. На это указывается и в «Соловецком послании»[25]. Церковь в лице ее служителей обвинялась в стремлении к ниспровержению существующего строя и в сношении с эмигрантами на почве деятельности, направленной против Советской власти. Русская Церковь не только отвергала эти обвинения, но еще в первый период гонения в лице Святейшего патриарха стремилась к искоренению самого повода для подобных обвинений. В 1919 году свт. Тихон написал послание к православному клиру и мирянам с призывом невмешательства в политическую борьбу. В подобном же духе была составлена и резолюция, наложенная свт. Тихоном на отношении наркома юстиции Курского о деятельности Карловацкого собора: «Собор закрыть, а за постановлениями Карловацкого собора не признавать канонического значения ввиду вторжения его а политическую область»[26].

Каковы же те причины, вследствие которых государство стало рассматривать Церковь своим политическим противником? Гонение на Церковь явилось следствием той тесной связи Церкви и монархического государства, которая гарантировала особое положение Церкви в этом государстве. По мнению самих большевиков, социальная позиция Церкви в революционную эпоху (иными словами, ее контрреволюционность) определялась утратой привилегированного положения. Православная Церковь, считали они, во-первых, теряла покровительство законов Российской Империи, ограждавших ее от религиозной конкуренции, во-вторых, лишалась огромной собственности, в-третьих, само духовенство переставало быть привилегированным сословием в государстве[27]. Церковь рассматривалась ими как один из государственных инструментов по угнетению народных масс. Например, в циркуляре НКЮ от 25.08.20 г. говорится: «По плану представителей низвергнутой династии Романовых, «мощи» должны были отвлекать народ от внутренних нестроений»[28]. Именно поэтому «фальсификация» мощей относилась большевиками к разряду уголовных дел[29].

Тесная связь Церкви и монархического государства сыграла в судьбе Церкви роковую роль. Протоиерей С.Булгаков признавался, что даже после его отхода от марксизма на пути его рукоположения стало «препятствие, силами человеческими непреодолимыми: то была связь православия с самодержавием, приводившая к унижительной и вредоносной зависимости Церкви от государства и своеобразному цезарепапизму»[30]. «Через это я не мог перешагнуть, - писал он, - не хотел и не должен был. Это препятствие внезапно отпало в 1917 году с революцией: Церковь оказалась свободной, из государственной она стала гонимой»[31].

В отличие от протоиерея Сергия атеистические вожди не могли и не хотели даже помыслить Церковь независимо от «покровительствующего» ей монархического государства. Поэтому всякое лицо, имеющее отношение к церковному клиру, могло считаться новой властью потенциальным политическим противником.

С другой стороны, было бы странно, если бы Церковь поддержала власть, пришедшую незаконным путем, власть атеистическую, грабившую, унижавшую и стремившуюся ее уничтожить. Необходимо учитывать и хаос, царивший в Петрограде, да и во всей стране в период двух революций 1917 г. Даже после октябрьских событий мало кто мог предположить, что большевикам удастся утвердиться во власти на длительное время. Армейские генералы взирали на события в Петрограде с некоторым равнодушием: временное правительство реальной власти не имело, а Керенский был не более привлекателен, чем Ленин. Все ожидали решений законно избранного Учредительного собрания. Большевики насильственно распустили это собрание. Как должна была реагировать на это Церковь? Как могла она воспринимать многочисленные разрушительные действия большевиков, часто ниспровергавшие христианскую мораль? Поэтому подобно обличительному голосу совести зазвучали в это время слова свт. Тихона. В слове на 1 января 1918 г., произнесенном в Храме Христа Спасителя, Святейший Патриарх, сравнивая дерзновенные замыслы большевиков со строительством вавилонской башни, говорил: «И наши строители желают сотворить себе имя, своими реформами и декретами облагодетельствовать не только несчастный русский народ, но и весь мир... Вся эта разруха и недостатки от того, что без Бога строится ныне Русское Государство... Церковь осуждает такое наше строительство»[32]. И это не обличение свысока, так как свт. Тихон не отделяет себя от всех процессов, протекавших в России, когда говорит о строительстве большевиков, называя его «нашим» строительством. В послании по поводу происходящей в стране междоусобной брани Святейший Патриарх осуждал заключение Брестского мира: «Горе той власти, которая довела русских людей до такого отчаяния»[33]. А в специальном послании, посвященном этому мирному договору, он назвал этот мир видимостью мира, который не лучше войны[34]. В Казанском соборе Москвы свт. Тихон произносит слово, в котором затрагивает убийство царской семьи: «Наша христианская совесть, руководствуясь Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинувшись учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас... Пусть за это нас называют контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают»[35]. Особенно выразительно обращение свт. Тихона к Совету Народных Комиссаров в связи с первой годовщиной революции: «Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть... но какими бы названиями не прикрывались бы злодеяния – убийства, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими об отмщении грехами и преступлениями... Мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатляя в ней образ зверя»[36]. Далее, призывая к прекращению

беззакония, он продолжает: «А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк.11.50) и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф.26.52)»[37].

Не нужно даже смотреть на все эти слова глазами большевиков, чтобы увидеть в них прямой вызов власти. Святейший Патриарх оценивал все важнейшие события современной ему общественно-политической жизни с точки зрения христианской морали, но большевики признавали лишь свои толкования и никому не позволяли давать иные толкования происходящего в стране. Как угроза организации мятежа звучали в ушах большевиков слова Святейшего Патриарха, обращенные к Ленину по поводу решения власти о вскрытии мощей: «Вскрытие мощей нас обязывает стать на защиту поругаемой святыни и отечески внушать народу: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам»[38]. В январе 1918 г. свт. Тихон напишет послание, в котором предаст анафеме гонителей Церкви и веры, а священнослужителей призовет к организации духовных борцов за права попираемой Церкви[39]. Именно на основании таких заявлений свт. Тихона обвиняли и власти, и обновленцы. Выступая 3 мая на обновленческом соборе 1923 г., протоиерей А.И.Введенский обвинил свт. Тихона в том, что результатом его выступлений в 1918 г. с призывом к вооруженной борьбе с Советской властью явилась гибель свыше тысячи жизней[40]. А.И.Введенский был, конечно, не совсем точен. Святейший Патриарх призывал не столько к вооруженной борьбе с властью вообще, сколько к необходимости защиты прав Церкви. Кроме того, в 1919 г. им было написано послание к клиру и мирянам о невмешательстве в политическую борьбу, в котором он заявлял: «Установление той или иной формы правления нет дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение»[41]. В этом же послании он высказался против звучащего в адрес Церкви обвинения в призыве на помощь иностранцев, подчеркивая, что спасут Россию не варяги, но покаяние. Непосредственным же ответом свт. Тихона на заявление А.И.Введенского можно считать послание об отмежевании Церкви от контрреволюции, опубликованное в августе 1923 г., в котором Святейший Патриарх писал: «Ныне Церковь решительно отмежевалась от всякой контрреволюции... Возврат к прежнему строю невозможен... Церковь признает и поддерживает Советскую власть, ибо нет власти не от Бога»[42]. Как оценить это свершившееся примирение с властью? Думается, что нельзя обвинять свт. Тихона за это примирение. Святейший Патриарх высказал свое отношение к безбожной власти в период ее разрушительной деятельности, когда в ее реальную силу и долголетие мало кто верил. Когда же начались мощные процессы формирования отлаженной государственной системы, проведение антигосударственной политики, даже самое малое проявление антисоветской деятельности сказалось бы не только на одной личности Патриарха, но отозвалось бы и на без того тяжелом положении духовенства и верующих. А о том, что большевистская власть была настроена крайне решительно, свидетельствуют многочисленные заявления ее представителей того времени. Например, 12.12.22 г. Н.Попов в упоминавшемся уже нами

докладе о комиссии агитпропа писал: «В области борьбы с контрреволюцией... Комиссия держится твердого убеждения, что выбить церковную контрреволюцию из ее последних убежищ необходимо не стесняясь ни какими средствами и не останавливаясь перед самыми беспощадными репрессиями»[43].

В тесной связи с политической причиной гонения находится причина экономическая. Эта причина имела такие же временные рамки своего действия и также была обусловлена тем особым положением, какое занимала Русская Церковь в Российском государстве, и той ролью, какую играла она в его истории. Как уже подчеркивалось ранее, по мнению большевиков, заведомую контрреволюционную настроенность Русской Православной Церкви в лице ее иерархии и большинства священнослужителей определял тот факт, что Церковь потеряла значительную собственность. Большевики, постоянно нуждавшиеся в деньгах, уделяли особое внимание тем материальным средствам, которыми располагала Русская Церковь. Так Н.М.Лукин в работе «Революция и церковь», опубликованной в 1919 г., посвящает целую главу теме церковных богатств[44]. Вполне естественно, что отнятие у Церкви ее законного имущества должно было вызвать и вызвало неизбежный протест в церковных кругах. В послании от 19.01.1918 г. Святейший Патриарх писал: «Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля»[45]. Постановление Патриарха и Синода за февраль 1918 г. предписывало при всех приходских и бесприходских церквях «организовывать из прихожан союзы, которые должны защищать святыни и церковное достояние от посягательства»[46]. Чтобы уменьшить сопротивление Церкви при отнятии у нее принадлежащего ей имущества, большевики хотели вбить клин между простыми верующими и духовенством. В обращении Президиума Совета рабочих, солдатских, крестьянских депутатов г. Москвы ко всем гражданам (от 28.01.18 г.) говорилось: «Сейчас духовенство восстало на защиту вовсе не храмов, не свободы веры. Этому никто и ничто теперь не угрожает; оно восстало на защиту богатств, имений, земель, жалованья в 200 тысяч рублей митрополитам, миллионов, накопленных в монастырской казне»[47].

В истории ограбления большевиками Церкви можно выделить два этапа. Первый этап связан с декретом об отделении Церкви от государства, в один миг лишившим Церковь права юридического лица всей собственности. Второй этап связан с декретом об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих, вышедшим 23.02.1922 г. На первом этапе большевикам удалось лишить Церковь ее земельной собственности и тех значительных денежных средств, которые содержались на банковских счетах. Но до повсеместного посягательства на имущество, находившегося в храмах (т.е. богослужебного характера), дело пока не доходило. В этом вопросе все зависело от местного начальства, которое, даже не выступая официально против Церкви, могло негласно поощрять хулиганские набеги на церковные строения с целью их ограбления. Так в октябре 1918 г. несколько вооруженных лиц напало на квартиру митрополита Макария

(Невского) в Николо-Угрешском монастыре и совершило ее ограбление[48]. Можно предположить, что смерть митрополита Киевского Владимира, погибшего от солдат, совершавших обыск Киево-Печерской Лавры в поисках оружия и обыск покоев митрополита в поисках денег, отчасти связана с озлоблением их по поводу обманутых надежд: было найдено только 100 рублей[49]. Поэтому постановление Патриарха и Синода 1918 г. о расследовании случаев насилия по отношению к Церкви для властей, едва скрывавших свое злорадство по поводу всех этих случаев, не могло иметь никакого значения.

На втором этапе ограбления Церкви большевиками был использован повод голода, охватившего Поволжье в 1921 г. Летом 1921 г. Святейший Патриарх обратился с воззванием по поводу голода в России, призывая верующих помочь нуждающимся[50]. Однако большевики сразу же сняли вопрос о добровольности помощи со стороны Церкви, закрыв Всероссийский церковный комитет помощи голодающим, организованный Святейшим Патриархом. Атеистическая власть решила использовать голод как предлог для решительного наступления на Церковь и для окончательного ее ограбления. Связанное с этим гонение также имело высокую государственную санкцию и значительные последствия. Именно в 1921 г. большевики нуждались в огромных денежных средствах во что бы то ни стало. Деньги эти были нужны им вовсе не для помощи голодающим. 19 марта 1922 г. В. Ленин напишет письмо Молотову для членов Политбюро: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей... мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией... чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы... Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жесткостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»[51]. Особенное озлобление вызвало у власти послание свт. Тихона, написанное в феврале 1922 г., которое запрещало отдавать священные богослужебные предметы[52]. Подобную же позицию занял митрополит Петроградский Вениамин, который за сопротивление изъятию из храмов священных сосудов и предметов и по обвинению в организации деятельности, направленной на свержение Советской власти, был убит в ночь с 12 на 13 августа 1922 г.

Изъятие церковных ценностей имело для большевиков не только экономическое и политическое, но и идеологическое значение. Большевикам «казалось, что главная сила Церкви заключается в материальной мощи»[53]. В самом деле, поскольку «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»[54], то с экономическим развитием коммунистического государства и с лишением Церкви всех

значительных материальных средств, участь ее, как считали большевики, была предрешена. В 1925 г. Ярославский писал: «Работа предстоит длительная... и нужно запастись терпением»[55]. Однако, шли десятилетия, а Церковь продолжала жить. Терпения начинало не хватать. Летом 1954 г. вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде», в котором говорилось, что «надо решительно покончить с пассивностью в отношении к религии»[56]. В результате этого в 1958-1964 гг. возобновилось открытое гонение на Церковь. Рассуждая о гонении в этот период, В.Русак пишет: «В первые годы после революции антирелигиозный подход аргументировался тем, что Церковь занимает оппозиционное положение по отношению к Советской власти, то впоследствии, когда Церковь перешла на путь лояльности, такой подход аргументировался без аргументов. Надо и все тут»[57]. Думается, что у власти все-таки был аргумент, аргумент идеологический. Церковь уже не враждовала с государством, не имела экономической базы, но она по-прежнему оставалась в глазах коммунистов тем пережитком, которому не было места в «светлом будущем». «Убеждать, перевоспитывать, просвещать? - спрашивал журнал «Наука и религия» в 1971 г. – Нет, слишком долго! Нам быстрее нужен коммунизм, а коммунизм и религия несовместимы»[58].

В 60-70-х гг. мы наблюдаем знакомое еще по революционным годам лукавство коммунистов, делавших уродливые попытки примирить то, что с их собственной точки зрения было непримиримо. «Коммунисты – надежные союзники верующих трудящихся в борьбе за демократию и социальную несправедливость», - писал журнал «Наука и религия» в 1962 г.[59]. Но возможно ли это, если, по утверждению того же самого журнала, «атеисты – воинствующие и непримиримые противники религии»[60]. Это лукавство и злоба воинствующих атеистов может невольно навести на мысль о духовной причине гонения. Ведь сам свт. Тихон в послании к патриарху Константинопольскому Герману V за 1918 г. писал: «Враг человеческого спасения уже давно сеял в нем [русском народе. - А.В.] свои плевелы, распаляя в сердцах людей дух зависти и гордыни и прикрывая свои козни чуждыми русскому народу учениями о безблагодатном устройении общественной жизни»[61].

Однако как и более чем полторы тысячи лет назад, гонения, обрушившиеся на Церковь в XX веке, не смогли сломить ее, но еще один раз подтвердили ее нечеловеческое, божественное основание, а сам скорбный путь Русской Православной Церкви проиллюстрировал пророческие слова Спасителя, обращенные как к каждому отдельному христианину, так и ко всей земной Церкви Христовой: «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин.15,20), «в мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин.16,33).

[1] Правда о религии в России. М.,1942. С.9-10.

- [2] Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.,1995. С.34.
- [3] Маркс К. и Энгельс Ф. О религии. М.,1955. С.113.
- [4] Там же. С.115.
- [5] Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991). М.,1995. С. 135.
- [6] Гидулянов П.В. Отделение Церкви от государства в СССР. М.,1926. С.25-26.
- [7] Русская Православная Церковь в советское время (1917-1941). М.,1996. С.146.
- [8] Там же. С.40-41.
- [9] Там же. С.36.
- [10] Русская Православная Церковь и Коммунистическое государство. С.60.
- [11] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. М.,1994. С.165.
- [12] Маркс К. и Энгельс Ф. Указ.соч. С.111.
- [13] Русская Православная Церковь и Коммунистическое государство. С.29-30.
- [14] Маркс К. и Энгельс Ф. Указ.соч. С.30.
- [15] Русская Православная Церковь и Коммунистическое государство. С.79.
- [16] Русская Православная Церковь в советское время. С.188.
- [17] Там же. С.126.
- [18] Там же. С.135.
- [19] Русская Православная Церковь и Коммунистическое государство. С.152-154.
- [20] Там же. С.162.
- [21] История Русской Православной Церкви от восстановления патриаршества до наших дней. Т.1 (1917-1970). СПб.,1997. С.847.
- [22] Маркс К. и Энгельс Ф. Указ.соч. С.68.
- [23] Русская Православная Церковь и Коммунистическое государство. С.207.
- [24] Аскольдов С.А.,проф. Формы и способы борьбы с религией большевиков // Русское возрождение. № 26. С.10-11.
- [25] Русская Православная Церковь и Коммунистическое государство. С.210-213.
- [26] Акты Святейшего Тихона... С.183.
- [27] Деятели Октября о религии и церкви. М.,1968. С.14.
- [28] Гидулянов П.В. Указ.соч. С.66.
- [29] Русская Православная Церковь и Коммунистическое государство. С.60.

- [30] Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. Париж, 1991. С.28.
- [31] Там же.
- [32] Акты Святейшего Тихона... С.76-77.
- [33] Там же. С.104.
- [34] Там же. С.108.
- [35] Там же. С.143.
- [36] Там же. С.150-151.
- [37] Там же. С.151.
- [38] Там же. С.159.
- [39] Там же. С.83.
- [40] История Русской Православной Церкви от восстановления патриаршества до наших дней. С.849.
- [41] Акты Святейшего Тихона... С.163-164.
- [42] Там же. С.296.
- [43] Русская Православная Церковь и Коммунистическое государство. С.160.
- [44] См.: Деятели Октября о религии и Церкви. С.137-146.
- [45] Акты Святейшего Тихона... С.83.
- [46] Там же. С.97.
- [47] Русская Православная Церковь и Коммунистическое государство. С.16.
- [48] Акты Святейшего Тихона... С.156.
- [49] Там же. С.90.
- [50] Там же. С.176-177.
- [51] Русская Православная Церковь и Коммунистическое государство. С.88-91.
- [52] Акты Святейшего Тихона... С.188.
- [53] Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945. М., 1996. С.120.
- [54] Маркс К. и Энгельс Ф. Указ. соч. С.56.
- [55] Деятели Октября о религии и о церкви. С.207.
- [56] Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. М., 1980. Ч.2. С.79.
- [57] Там же. С.69.
- [58] Там же. С.76.

[59] Там же. С.69.

[60] Там же.

[61] Акты Святейшего Тихона... С.130.